

Интервью

Массимо Интровинье: «Ученые исследуют новые религии, а не борются с ними»

Массимо Интровинье (1955) – один из самых известных в мире исследователей новых религий, автор десятков книг по социологии религии. Он основатель международного Центра изучения новых религиозных движений в Турине, который проводит ежегодные конференции по всему миру и собирает лучших специалистов в этой области. В 2018 г. конференция состоялась в июне на Тайване. О своем долгом научном пути, методах изучения НРД, новых направлениях в этой дисциплине, о своих соратниках и дебатах с теми, кто предпочитает изучению новых религий борьбу с ними, Интровинье рассказывает российскому коллеге, доценту ЦИР РГГУ Борису Фаликову. Говорит он не только о религиозоведческих штудиях, но и о менее известных сторонах своей жизни – дружбе с покойным семиотиком и писателем Умберто Эко и о своей коллекции комиксов, самой большой в мире.

Massimo Introvigne (born 1955) is one of the world known researchers of the new religions, author of dozens of books in the sociology of religion. He is the founder of the International Center for the Study of New Religious Movements in Turin, which holds annual conferences and gathers the best experts in this field. The last conference was held in 2018 in Taiwan. Introvigne was interviewed by Boris Falikov, his Russian colleague, Associate Professor of the Center for Study of Religion at the Russian State University for the Humanities. He tells about his long academic journey, the methods of studying NRM, the new directions in the discipline. He also speaks of his colleagues and debates with those who prefer to fight the new religions instead of studying them. Introvigne also shares some elements of his personal life like his – friendship with the famous semiotician and writer Umberto Eco and his own collection of comic, one of the largest in the world.

– Профессор, когда и как вы заинтересовались изучением новых религиозных движений (НРД)?

– Это долгая история. Мне кажется, мой интерес к «странным» религиям возник тогда, когда мне было лет восемь и я жадно читал Редьярда Киплинга и знаменитого итальянского автора приключенческих романов Эмилио Сальгари. Помнится, на меня произвел

большое впечатление и роман для подростков менее известного итальянского писателя Луиджи Уголини о Гаити. Там упоминался культ Вуду. Кроме того, мои родители, и особенно мать, любили путешествовать и возвращались из Африки и Индии с удивительными историями и сувенирами. Когда мне было девять лет, я тратил все мои карманные деньги на комиксы (я их коллекционирую по сей день) и на еженедельные выпуски «Энциклопедии мировых религий», которые издавали на итальянском и французском большие издательства «Риццоли» и «Ларусс». Энциклопедии в таком формате были очень популярны в Италии шестидесятых. Ты их покупал каждую неделю, а потом приобретал обложки и сам переплетал том за томом. Шесть таких томов Энциклопедии мировых религий – самая старая часть моего собрания книг о религии, которое сейчас находится в открытом доступе в нашем Центре изучения НРД в Турине и состоит из 60 тысяч книг. Из этой энциклопедии я узнал, к примеру, о существовании мормонов, которые стали появляться в Италии в XIX веке, но потом закрыли свои миссии и вновь открыли их только в 1966 году. Сейчас я понимаю, что в издании было много ошибок, а книги Киплинга и Сальгари страдали ориенталистским и западоцентристским подходами к религиям Индии. Конечно, в ту пору я этих недостатков не замечал. Я тогда жил в горах на Северо-Западе Италии, куда перебрался, чтобы участвовать в юношеских соревнованиях по лыжам (много лет и килограммов назад я был приличным лыжником). Там я познакомился с приходским священником, отставным ватиканским дипломатом. Он не отговаривал меня от изучения других религий, напротив, всячески поощрял. Это были времена Второго Ватиканского Собора, когда католическая церковь выработала более открытый и позитивный подход к иновериям.

– *Какое образование вы получили и какую профессию выбрали?*

– Я посещал иезуитскую школу в Турине и остался связан с иезуитской системой образования, которую до сих пор считаю весьма продвинутой и на многое открывающей глаза (вы знаете, конечно, что нынешний папа Франциск иезуит). После школы я отправился в Рим и поступил в Григорианский университет, где моими учителями были легендарные профессора-иезуиты. Например, курс по марксизму нам читал австрийский падре Густав Веттер, которого с большой неохотой признавали даже в Восточной Германии и Советском Союзе как крупнейшего специалиста по рукописям Маркса. Он свободно говорил по-русски и перечитал всего Ленина и Сталина. А конфуцианство я изучал с китайским иезуитом отцом Иосифом Хсин-Сан-Ши, которого весьма уважали китайские уче-

ные. После этого я заинтересовался политологией и социологией, но решил писать докторскую по праву в Туринском университете. В те времена (1975 год) в Италии был только один факультет социологии в Университете Тренто, но это было очень специальное место. Там придерживались строго марксистских взглядов, и ведущие профессора и доценты оказались в конце концов в тюрьме как лидеры Красных бригад. Поэтому я предпочел юридический факультет в Турине и специализировался там на философии и социологии права под началом выдающегося знатока европейских и американских социологических теорий Энрико ди Робиланта. Диссертацию я защитил по американскому философу и политологу Джону Ролзу, она выиграла университетский конкурс и вышла отдельной монографией, которая оказалась первой работой по Ролзу на иностранном языке. Какое-то время я сотрудничал с Робилантом, одновременно получив адвокатский патент и поступив на работу в крупную юридическую фирму. С тех пор я делю время между академическими и адвокатскими занятиями, но с начала двухтысячных стал отдавать предпочтение первым.

Джон Ролз уделял немало внимания религии, сегодня это понимают лучше, чем в 70-е годы. Несколько раз я путешествовал в США и начал исследовать там участие религии в общественной жизни. Причем заинтересовался не только религиозным мейнстримом. К примеру, Свидетели Иеговы сыграли решающую роль в изменении американского законодательства по поводу отказа от службы в армии по моральным соображениям (это, кстати, вызывало пристальное внимание Ролза) и в защите прав детей из религиозных меньшинств в школах. Значительное политическое влияние имели мормоны, на подъеме был и преподобный Мун. Этим двум религиям я и посвятил свои следующие книги, которые оказались первыми академическими исследованиями о них в Италии (было несколько антикультовых книжек, но их сложно назвать научными). Со временем это и стало моей главной стезей, сейчас я работаю над 61-й книгой по социологии религии, которую я и преподавал в Папском Салезианском университете в Турине. Но дело в том, что я занимаюсь изучением НРД не только в Италии, но и в других странах, много езжу, преподавание в 2016 году пришлось оставить. Пишу я сейчас в основном по-английски.

– Вы основатель и директор Центра изучения НРД (ЦИНРД, итальянская аббревиатура CESNUR) в Турине. Каковы происхождение и история этой организации?

– Когда я выпустил мои первые книги по альтернативным религиям в 80-е годы, среди итальянских академических коллег этим

никто не занимался. Разве что несколько католических борцов с культами (counter cultists), которые в основном обращали внимание на Свидетелей Иеговы, добившихся больших успехов в Италии в 70–80-е годы прошлого века. Тогда их борцами с культами, правда, не называли. Этот термин я ввел только в 1993 году, когда пришлось уточнять различие между религиозным и секулярным трендами внутри движения. В общем, ситуация с изучением НРД в Италии 80-х была примерно такой же, как и в других европейских странах, за исключением Великобритании, да еще несколько человек во Франции занимались движением New Age.

Очень важным событием для меня стало знакомство с деятельностью Мормонской исторической ассоциации (МИА), международной организации по изучению этой религии под началом либеральных мормонов, но туда входили и историки не мормоны. Я узнал о ее существовании случайно в 1986 году, перелистывая журналы в книжных магазинах в Солт-Лейк-Сити, куда попал по своим адвокатским делам. К счастью, на следующий год МИА проводила первую европейскую конференцию в Оксфорде, которую я решил посетить. Там я встретил швейцарского историка религии Жана-Франсуа Майера и Майкла У. Хомера, из Солт-Лейк-Сити, который, как и я, делил время между юридической практикой и изучением мормонизма и других религиозных меньшинств (в основном, спиритизма). Конференция в Оксфорде положила начало моей долгой дружбе и научному сотрудничеству с обоими. Я также встретился с крупными историками-мормонами, а у самого известного из них, Леонарда Дж. Аррингтона, взял впоследствии несколько интервью, которые очень помогли мне в исследовании мормонского движения. Книгу о нем я выпустил в 1991 году на французском языке. Но перед этим в 1988 году мы с Майером решили, что в Европе крайне необходима организация для изучения НРД. Мы подключили к работе двух итальянских католиков из числа умеренных борцов с культами – священника и епископа – и в том же 1988 году создали на юге Италии в городке Валло дела Лукания первую конференцию Центра изучения НРД. Помещение – маленький богословский колледж – нам выделил местный епископ. Посетили ее всего 12 человек, причем с докладами выступили трое – Майер, я да один католический священник. Но мы не отчаивались и в том же году создали вторую конференцию опять на юге в Фодже, туда мы уже сумели пригласить двух известнейших исследователей НРД – Эйлин Баркер из Лондона и американца Гордона Мелтона. Вместе с ними мы и организовали наш Центр. И вот что любопытно. Баркер – агностик, Мелтон – методистский проповедник, Майер – пра-

вославный (он в ту пору был членом Русской православной церкви за рубежом, которая позднее объединилась с РПЦ). Так что вопреки всяким слухам наш Центр вовсе не католическая организация, хотя лично я католик и не вижу повода за это извиняться.

– В чем состоит организационная сторона деятельности Центра?

– Несмотря на более чем скромное начало, наш Центр провел 30 конференций по всему миру за исключением Океании, массу семинаров и лекций и делает самый популярный сайт по НРД в мире. Фактически сайта три: cesnur.org для нашей организационной деятельности, cesnur.net для академического журнала *The Journal of CESNUR* и cesnur.com для постоянно обновляемой энциклопедии всех религий в Италии. Первые два в основном используют английский язык, а третий на итальянском. В среднем наши ежегодные конференции посещают около 100 ученых со всего мира, которые занимаются НРД.

– Вы социолог религии, какую методологию вы применяете для исследования НРД?

– В последние десятилетия прошлого века в нашей дисциплине шли бурные методологические дебаты. Ученые старшего поколения настаивали на важности текстового анализа, но те, кто собственно и создали современную школу изучения НРД, включая Баркер и Мелтона, подчеркивали необходимость взаимодействия с изучаемыми группами – интервью, включенное наблюдение. Сейчас уже почти никто не ограничивается только текстами. Есть, конечно, и исключения. Например, в 2015 году австралийская китаистка Эмили Данн выпустила книжку «Молния с Востока» о крупнейшей китайской НРД Церкви Всемогущего Господа, которой я также занимался. Это ценная книга о движении, практически неизвестном на Западе, которое сложно было изучать, поскольку в Китае оно подвергается преследованиям. Однако, Данн честно призналась, что она никогда не видела и тем более не интервьюировала ни одного члена Церкви Всемогущего Господа. Для нашей дисциплины это в целом неприемлемо.

Важно также отметить, что мы не страдаем профессиональным заболеванием антропологов, не «отуземиваемся», то есть не обращаемся в те религии, которые изучаем. Есть, конечно, исключения. Например, известный американский социолог Уильям Симс Бейнбридж так увлекся сатанистской группой Процесс, что участвовал в разработке некоторых ритуалов. В 1992 году я переводил его книжку об этом НРД на итальянский и с его разрешения добавил к ней список реальных имен лидеров, которых он скрыл под псевдонима-

ми. Но это действительно исключение. Тайное вовлеченное наблюдение, когда ученые скрывают от участников, кто они, считается неэтичным (Бейнбридж, впрочем, и не скрывал). Ученым рекомендуется соблюдать дистанцию, хотя они и проводят недели, а порой и месяцы с верующими, которых они изучают.

– В последнее время исследователи НРД нередко занимаются междисциплинарными штудиями. Что вы думаете об этом?

– В 2010-е годы в нашей дисциплине произошла своего рода революция. Довольно неожиданно историки искусства осознали, что без новых религий не возникло бы современного искусства. Розенкрейцерство, спиритизм, Христианская наука и, более других, теософия оказали на него большое влияние. Трудно понять Кандинского без знания теософии и оккультной среды Мюнхена, Малевич хотел создать свою новую религию, Мондриан был членом Теософского общества большую часть жизни. Мы, как исследователи НРД, знали об этом давно, но не предполагали, что это может так раздвинуть рамки нашей работы и усилить внимание к ней широкой публики. Я знаю, что вы исследовали связи Кандинского с теософией, что многие в России изучали наследие Николая Рериха, ведь он был не только великий художник, но и создал вместе с женой Еленой новое религиозное движение – Агни йогу. Мексиканские ученые выяснили, что знаменитый художник Диего Ривера был не только марксист (вначале троцкист, а потом сталинист), но и соучредитель мексиканской ложи Американского розенкрейцеровского ордена AMORC. Соратники его за это критиковали, но он в ответ сочинил замечательный меморандум для Мексиканской компартии, доказывая, что розенкрейцерство усвоило суть религии древнего Египта, которая, если отбросить внешние атрибуты, была прообразом диалектического материализма!

Надо признать, что вначале историки искусства принимали все это в штыки. Первая из подобных работ Сикстена Рингбома из Финляндии, писавшего еще в 1970 году, что Кандинского не понять без отсылок к Теософии, была подвергнута критике и маргинализована. Мир искусства боялся, что герои модернизма окажутся связаны с «неприличными культами». Но в конце концов они вступили в диалог с исследователями новых религий и западного эзотеризма – Вутером Ханеграфом, Марко Пази, а потом и со мной – и история нашей дисциплины изменилась. Правда, имеется методологическая проблема. Историки искусства предпочитают традиционный искусствоведческий анализ. Они упоминают о влиянии новых религий на художников, но по сути его не анализируют. Мы же не только изучаем картины, но и исследуем письма, дневники

и тексты художников, а если они живы, берем интервью у них и у членов НРД, к которым они примыкают. Несколько интересных художников являются сегодня членами Церкви саентологии, включая австрийскую знаменитость постмодерниста Готфрида Хелнвейна. Его выставка в венской Альбертине в 2013 году, приуроченная к 65-летию художника, была одной из самых посещаемых в этом знаменитом музее. Вы можете сколько угодно анализировать связь стиля Хелнвейна с саентологией, но, мне кажется, хорошо бы знать и то, что сам художник говорит о саентологии и как эта религия относится к искусству и художникам.

– *Вы нередко полемизируете с антикультуристами. Какие их теории и методы вызывают у вас возражения?*

– Вы знаете, Центр изучения НРД поначалу не занимался защитой религиозной свободы, но по мере нашей работы мы все чаще сталкивались с тем, что права исследуемых нами групп нарушаются. И стали проявлять политическую активность. Это привело к тому, что я принял предложение ОБСЕ и стал в 2011 году ее представителем по борьбе с расизмом, ксенофобией, нетерпимостью и дискриминацией против христиан и членов других религий, а с 2012 по 2015 год был председателем наблюдательного совета по религиозной свободе, созданного итальянским МИДом.

Позвольте, я вернусь к различию между борцами с культурами и антикультуристами, о котором я докладывал в 1993 году на конференции в Аархусе (Дания), проведенной местным борцом с культурами лютеранским пастором Йоханесом Аагаардом. В ней участвовали антикультуристы из США и молодой в ту пору Александр Дворкин из России. Борцы с культурами – наследники христианских борцов с ересями, которых было немало среди отцов Церкви в первые столетия ее существования. Основным их занятием было определять, что такое христианство и что выходит за его пределы и является ересью. Вот и борцы с культурами по всему миру изо всех сил обличают ереси Свидетелей Иеговы и мормонов. Иногда они не отказывают себе в удовольствии разоблачить неблагоприятные деяния лидеров НРД, но в целом сосредоточены на учении, а не на поведении. Если религиозная группа отрицает Троицу или божественность Иисуса Христа, она «культ», даже если ее члены вполне достойные граждане. Подобные борцы есть и в иудаизме, они обличают, к примеру, Каббалистический центр покойного рабби Берга или Бней Барух Микаэля Лайтмана как культы, потому что считают их иудейскими ересями. В их деятельности самой по себе нет ничего дурного, это часть религии с незапамятных времен. Только не стоит принимать этих христианских и иудейских апологетов за социологов и истори-

ков, чей подход по определению богословски нейтрален. Но это не значит, что мы не изучаем богословие НРД, просто мы не беремся судить – истинное оно или ложное.

В 1993 году я настаивал, что антикультистское движение это нечто новое и отличное от древней ересиологии. Оно было основано в начале 70-х годов в США родителями молодых людей, которые ушли в НРД типа Церковь объединения, кришнаизм, Дети бога. Большинство из них были вполне секулярными, и вскоре в их рядах стали доминировать секулярные эксперты – психологи и юристы. Они сосредотачивались не на учении, а на поведении, то есть искали, в каких преступлениях можно было бы обвинить НРД, чтобы привлечь их к суду и вернуть детей родителям. Один клинический психолог по имени Маргарет Сингер решила, что она нашла прекрасный инструмент для того, чтобы победить «культы» в судах. Она предложила применять к их практике понятие «промывание мозгов», к которому они якобы прибегают, чтобы завлечь новых членов. Изобрела его она не сама, а позаимствовала у ЦРУ эпохи холодной войны. ЦРУ подделывало документы, которые «доказывали», что русские и китайцы изобрели зловещие техники, с помощью которых промывали мозги своим жертвам и обращали их в коммунизм. По иронии один из таких документов, ложно приписанных авторству КПСС, был опубликован Церковью сайентологии с предисловием ее основателя Рона Хаббарда, где он объяснял, что промывание мозгов это злодеяние русских коммунистов, которое сайентологи должны ненавидеть всей душой. В изначальной формулировке понятия «промывания мозгов», принадлежащей оперативнику ЦРУ Эдварду Хантеру, имелся расистский подтекст: «восточные варвары», русские и китайцы, использовали промывание мозгов, которое для сознания то же самое, что пытка для тела, но «цивилизованный» Запад никогда не будет к этому прибегать. Меня всегда забавляет, когда я вижу, как русские и китайские антикультисты используют понятие «промывание мозгов» против «культур», явно забывая о его истоках.

Со временем в ходе так называемых «культурных войн» 80–90-х годов прошлого века, в которых я принимал активное участие, социологи деконструировали теорию промывания мозгов и доказали, что это воображаемое преступление, в котором может быть обвинен кто угодно. И эта точка зрения возобладали в судах, по крайней мере, в англоговорящих странах.

В 1993 году в Аархусе я выступал перед ведущими борцами с культурами и антикультистами, растолковывая им, что они странные союзники. Потому что для первых вторые представляли потенци-

альную опасность. Ведь будучи секуляристами они могут запросто использовать аргументацию о промывании мозгов против консервативных верующих, которые в основном поддерживали борцов с культами. Многие западные антикультисты не очень-то любили религию, признавая только ее умеренные формы.

Неудивительно, что мой доклад был опубликован пастором Аагаардом и хорошо принят борцами с культами, а вот антикультисты меня возненавидели до глубины души. В ту пору вторых было куда меньше, чем первых, и они нуждались в их поддержке.

– *Как вы считаете, в чем различия между антикультовыми движениями в Европе, США и России?*

– Оглядываясь назад, могу сказать, что мое указание на существенное отличие борцов с культами от антикультистов способствовало разделению этих групп в США, но не в Европе. Дело в том, что в Европе обе группы рассчитывали на финансовую и юридическую поддержку государства и поэтому предпочитали держаться вместе, чтобы легче было ее лоббировать. В США же благодаря 1-ой поправке к конституции о полном отделении церкви от государства и торжеству идеи религиозной свободы такую поддержку получить было невозможно. К тому же подобное лоббирование встретило бы мощный отпор как со стороны академического сообщества, так и самих НРД. Поэтому в США антикультовое движение редко сотрудничает с культоборческим. К тому же оно потерпело сокрушительное поражение в 90-е годы в суде, что привело к банкротству их главной организации Союза бдительных антикультистов. В результате движение распалось на Международную ассоциацию исследователей культов, которая сохраняет антикультовый характер, но открыта к диалогу с учеными, и несколько радикальных ветвей, которые по-прежнему привержены теории промывания мозгов, но с каждым годом все более дискредитируют себя и маргинализируются.

В некоторых европейских странах возможность получить поддержку и деньги от государства заставила культоборцев и антикультистов держаться вместе, но это всегда давалось им с трудом. Три главные страны, где государство готово помогать, это Франция, Германия и Россия. Во Франции движение начинали католики, но сейчас в нем доминируют секулярные гуманисты. В России оно, конечно, сильно связано с РПЦ. Германия где-то посерединке. «Эксперты по культам» назначаются в каждой епархии лютеранской и католической церквями, но оппоненты сайентологии нередко движимы сугубо секулярными мотивациями (большинство из них борются не столько с НРД в целом, сколько именно с сайентологией).

Поначалу именно Франция была основным спонсором европейского антикультизма и его зонтичной организации FECRIS (французская аббревиатура Европейской федерации центров исследования и информации по сектам). Но в последнее время французская господдержка ослабла по двум причинам: государственные ресурсы уходят на борьбу с исламом, которая стала приоритетом трех последних правительств, и государство подвергается жесткой критике со стороны НГО, которые несмотря на идеологические различия дружно выступают против нарушения им принципа *laïcité* (секуляризма), который оно, напротив, должно продвигать согласно французской конституции. На деле же оно продвигает интересы РПЦ, неумолимо лоббируемые вице-президентом FECRIS А.Л. Дворкиным. Побочным результатом ослабления поддержки европейского антикультизма со стороны Франции стало то, что его главным спонсором становится Россия. Но это в свою очередь привело к трениям между европейскими и американскими антикультистами. Последние все с большим подозрением относятся к России, получая от ФБР новые доказательства, что именно те русские хакеры и тролли, которые пытались влиять на президентские выборы, создают в сетях фальшивые аккаунты против Свидетелей Иеговы и других НРД, подвергающихся нападкам в России. Я потратил годы, убеждая религиозных культоборцев, что союз с секулярными антикультистами для них опасен, теперь мне приходится объяснять антикультистам (тем, конечно, которые готовы слушать), что им как секулярным гуманистам не к лицу выступать одним фронтом с крайне консервативным крылом РПЦ. На меня, надо сказать, произвели неизгладимое впечатление фотографии с недавней конференции, организованной Дворкиным со товарищи где-то в Арктике. На них стойкий итальянский секулярный гуманист и антикультист Луиджи Корвалья буквально тонул в море православных батюшек и епископов. Могу себе представить, каково ему и его единомышленникам в таком окружении. Но ничего не попишешь, у них денег на борьбу нет, а у русских есть.

Однако в эту и без того запутанную картину нужно еще поместить и китайцев, которые станут ключевым игроком антикультового движения в ближайшем будущем. Ведь существует масса китайских НРД вроде Фалуньгон и Церкви Всемогущего Господа с сотнями тысяч, а иногда миллионами адептов, стойких антикоммунистов, критикующих правительство. Все они в черном списке так называемых «Цзие-цзяо», который регулярно обновляется с 1995 года. Пекин переводит этот термин как «вредные культы», пытаясь заручиться поддержкой западных и российских антикультис-

тов, но он был введен в оборот столетия назад во времена династии Мин и обозначал «еретические учения» или доктрины, которые государство не поддерживало.

В прошлом году меня дважды приглашала в Китай Ассоциация по борьбе с Цзие-цзяо, чтобы обсудить проблему Церкви всемогущего Господа. Ассоциация подчиняется КПК, и мы разошлись практически по всем вопросам. Я изучал эту церковь и считаю обвинения против нее сфабрикованными государством. Но что интересно. Среди тех, кого пригласили вместе со мной, были Эйлин Баркер, Гордон Мелтон и Джим Ричардсон, а мы все четверо в «культовых войнах» 1990-х выступали против антикультистов. К чему бы это? Конечно, у китайцев есть международные связи с антикультистами, тем же Дворкиным. Но, видимо, они сообразили, что те просто ничего не знают о НРД в целом, а уж про азиатские НРД тем паче, а ученые знают. Однако со временем поняли они и то, что легко могут манипулировать антикультистами, а вот учеными нет. Мы отказались подписывать их заключения, а некоторые из нас даже выступили в судах в пользу Церкви всемогущего Господа, причем опираясь на те самые документы, которые получили от китайцев. В свое время тем удалось сыграть на антипатии, которую испытывали некоторые ученые к Фалунгюнь, не сомневаюсь, они им и заплатили за статьи, которые поддерживали репрессии против этой НРД. Но они быстро убедились, что самых известных западных исследователей не купишь да и дело Фалунгюнь сильно отличалось от дела Церкви всемогущего Господа.

– *Ваша вторая профессия адвоката помогает вам в изучении НРД?*

– Да, хотя моя адвокатская практика строится в основном на защите авторских прав, а не религиозной свободы. Почти за 40 лет у меня было только два-три дела, затрагивающих религию. Я защищал авторские права Союза евреев-ортодоксов и пары пятидесятнических церквей. Однако я уверен, что юридическая практика сильно помогает увидеть практическую сторону проблем и избавиться от синдрома «башни из слоновой кости», от которого мало застрахованы академические ученые.

– *У вас есть иные научные интересы кроме исследования НРД?*

– Я всю жизнь интересовался поп-культурой, особенно комиксами. У меня была самая большая в мире коллекция комиксов о вампирах, хотя уже много лет назад я продал ее самую ценную часть. Я также увлекался собиранием так называемых «романов за 10 центов», которыми зачитывались подростки и беднота до изобретения комиксов. В среднем в них было по 16 страниц или чуть

больше, они были снабжены иллюстрациями, появились они около 1880 года, а расцвет их пришелся на первые пару десятилетий прошлого века. Ни один вид литературы никогда не достигал такой популярности, как эти дешевые детективы на рубеже XIX–XX веков, и вряд ли когда-нибудь достигнет. Романы про Ната Пинкертон и Ника Картера еженедельно выходили на примерно пятидесяти языках, и некоторые выпуски имели невероятный тираж в 70 миллионов по всему миру. В России они выходили не только на русском языке, были, например, переводы на армянский. В 2012 году вышла в голландском издательстве «Бриль» отличная книга американского историка литературы Бориса Дралюка о том, как «пинкертонщина» (это его термин) пережила русскую революцию. Как вы знаете, Нат Пинкертон был американским частным детективом, стойким защитником частной собственности, у него был реальный прототип, но сюжеты были вымышлены. Коммунистическая пропаганда избрела фальшивых пинкертонов и пролетарских героев, которые с ним сражались, но все было напрасно, люди тайком читали дореволюционные издания.

– *Я помню, что когда-то давно вы полемизировали с Умберто Эко. Чем это было вызвано?*

– Вы знаете, в конце концов мы с ним подружились, хотя это может показаться странным, поскольку он был секулярный гуманист и скептически относился к религии, а уж к «культам» тем более. Вначале наши отношения, действительно, складывались не слишком удачно, Эко напал на мою рецензию на фильм «Имя розы», посчитав ее чрезмерно педантичной. Но моя критика была направлена на фильм, а не на роман, и позднее Эко признался, что и сам он не большой поклонник фильма. Если вы внимательно читаете вступительные титры, вы увидите, что фильм основан не на романе Умберто Эко, а на «палимпсесте романа». В последнюю минуту он в такой шутливой форме отмежевался от тех исторических неточностей, которые есть в фильме и которые я, будучи молодым ученым, действительно несколько педантично перечислил. Чего стоила одна ренессансная статуя Мадонны в средневековом монастыре! В конце концов мы подружились через одного общего знакомого, выдающегося французского историка западного эзотеризма Антуана Февра, и в своих интервью Эко великодушно признавал, что использовал много моих материалов при написании «Маятника Фуко» и «Пражского кладбища».

Но начать бы следовало с того, что мы сошлись на общем интересе к поп-культуре. Он тоже собирал комиксы и «десятицентовые романы», хотя последние его интересовали меньше. У него была

знаменитая полемика с Теодором Адорно и Максом Хоркхаймером, которые называли комиксы и дешевые детективы капиталистическими инструментами для промывания мозгов рабочему классу. Как и его оппоненты, Эко придерживался левых взглядов, но считал их тезис неправомерным обобщением. Впрочем, он считал таковым и противоположный взгляд, характерный для американской профессуры, изучающей комиксы, что те, мол, сплошь либеральные и прогрессивные. И те и другие упускали, что комиксов и дешевых детективов была масса и они различались идеологически. Некоторые из самых плодотворных и, на мой взгляд, лучших авторов, таких как немец Курт Матулл, были социалистами и анархистами, но другой отличный автор, француз Жан де ла Ир, сотрудничал с нацистскими оккупантами. А это значит, что не стоит заниматься натянутыми обобщениями. Гораздо важнее здесь, что подобная литература, которую многие историки начисто игнорируют, влияла на жизнь миллионов людей. Пролетарии часто читали *только* дешевые детективы, но мой отец, к примеру, имел высшее образование, но до самой старости их цитировал.

Однако мне гораздо интереснее то, что некоторые из подобных романов транслировали эзотерические идеи и ссылались на НРД. Ник Картер, к примеру, сражался (но иногда и крутил романы) со злодейкой Ирмой Плаватски, возглавлявшей Тибетскую ложу, это явная отсылка к Елене Блаватской и Теософскому обществу. Герой другого дешевого детектива, Сар Дабнотал, был списан с французского розенкрейцера Сара Пеладана. Еще один – Фасинакс – был посвящен в розенкрейцеры. Belle Epoque «десятицентовых романов» была и Belle Epoque эзотерических организаций.

– *А как вы относитесь к росту штудий современного западного эзотеризма? Не вступают ли они в конкуренцию с исследованиями НРД?*

– Ренессансный эзотеризм исследуют уже давно, а вот современный нет. Это новая дисциплина, близкая к нашей, но все же другая. Такие организации, как Европейское общество изучения западного эзотеризма и Ассоциация изучения эзотеризма в США младше нашего Центра изучения НРД, но весьма успешны. Может быть они и конкурируют с нами, но я сам посещаю их конференции и считаю, что такое богатое поле исследования должно иметь собственные научные организации.

– *Что вы думаете о будущем нашей дисциплины?*

– Несколько лет назад ученый из Уэльса Филип Дженкинс написал интересную статью о том, что исследование НРД ждет упадок и стагнация, поскольку все уже было сказано о таких движениях,

как сайентология, кришнаизм, Церковь объединения, а другие вроде Детей Бога (теперь оно называется «Семья») растеряли почти всех адептов. Но этот прогноз не спешит сбываться. На Западе возникают все новые НРД, пусть и не такие крупные, как прежде, но интересные. Главное, однако, в том, что масса движений активна на Тайване, в Корее, Китае, Индонезии, Вьетнаме. В них сотни тысяч, а то и миллионы адептов, и многие НРД подумывают о том, чтобы отправиться с миссией на Запад. А мы о них практически ничего не знаем. Да, о кришнаитах вышла масса книг, а о корейском НРД Тесун Джилиуэ, в котором по некоторым оценкам 6 миллионов последователей, только несколько. А о Церкви всемогущего Господа, в которой, если верить китайским властям, 4 миллиона человек, вообще лишь одна. Недавно опубликовано несколько книг о расцвете НРД во Вьетнаме и Индонезии, о которых западным ученым почти ничего не известно. Предстоит много сделать для изучения таких групп.

Я также считаю, что будут развиваться междисциплинарные исследования. Я уже говорил о сотрудничестве с историками искусства и поп-культуры. Но литературоведам, политологам, сексологам (у многих НРД есть тайные и не слишком учения о сексуальной магии), нейрофизиологам (которые обращают все больше внимания на мистицизм и эзотеризм), исследователям экологии и феминизма есть что почерпнуть из штудий НРД. Подавление НРД в Китае и России заставляет нас взаимодействовать и с исследователями беженцев, так как многие члены религиозных меньшинств вынуждены уезжать из этих стран и добиваться статуса беженцев за рубежом. Этот тренд, к сожалению, усиливается. В общем, хорошо это или плохо, у нашей дисциплины большое будущее.